

Михаил ИОССЕЛЬ

"ПРАВДА ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, КЕМ И КОМУ ОНА СКАЗЫВАЕТСЯ"

Ровно год назад МЖ напечатал роман Михаила Иосселя "Жизнь на поле". Эта публикация появилась в момент, когда автор романа делал свои первые шаги на американской земле. Сегодня мы публикуем с незначительными сокращениями письмо М.Иосселя редактору МЖ, в котором прозаик делится впечатлениями о США.

II-18-86 г.

Пало Альто

Здравствуй, дорогой!

Спасибо за письмо.

Отвечаю на твоё письмо своим.

Первое письмо за чуть ли не десять месяцев, извини.

С другой стороны, не столько еще времени прошло, чтоб было можно считать это письмо написанным очень сильно изменившимся человеком. Человек этот, однако, изменился: в его взгляде просматриваются признаки несколько иной сознательности, чуточку другого сознания.

На ухабе меня основательно тряхнуло, но я удержался за борта, не вылетел из кузова, что бы эта проселочная метафора ни означала. Иначе, как я теперь про себя понимаю, и не могло быть, так как химия в моем мозгу и жизненном укладе вызрела для взрыва, вот и тряхнуло, что и к лучшему: было б неудачей, перейди образ жизни безразрывно в свое заокеанское продолжение: потому что такой жизни, как была, если не хочешь ею ограничиться, в этой жизни места нет.

Я сейчас живу в сан-францисском пригороде, рабочем поселке миллионеров /Силиконовая долина!/, Пало Альто, много пишу, много и не всегда, хочется надеяться, бессмысленно размышляю, немного читаю и довольно много, хотя и редко, смотрю телевизор. Начал успокаиваться по поводу того, что все никак не наступает успокоительное спокойствие. Еще, видимо, пройдет год или два, прежде чем контуры наступающей жизни начнут проявляться резче. Все проще и прочерченней для человека, желающего того, чего желают и большие массы людей: стабильной работы программиста, дома в пригороде, розового сада за оградой, ротнейлера в огороде, круга приятелей для еженедельного барбекью под разгульные сто двадцать восемь граммов розоватого калифорнийского алкоголя из винограда долины Напа. Все это неплохо, но такие вещи в той же мере выбирают человека, в какой - он их, и они знают, кому они нужны, и кто им нужен. И им не нужен, а потому

и вынужден пока прогуливаться в непростоте. Причем, конечно, озабоченное члено человека букв / man-of-letters /, радение о судьбах ноосферы или звуковой ауры, равно как и создание параллельного мира при помощи ассоциативного выдергивания из разума различных многотрудных озарений в стране, где слово писатель означает в первую очередь человека, умеющего набросать брошюру о пользе декофеинизированного маргарина, руководство по пользованию вордпроцессором, а также письмо в газету по поводу содержания свинца в водопроводе, — все это совершенно не оплачивается, разумеется, и это никакая ни для кого, конечно, не новость. Более того: ничто ни для, конечно, никакая не новость. И однако же, представление хорошо осведомленного человека об Америке из России, осложненное прочтением книг авторов в диапазоне Эмерсона — Торо — Стивена Кинга — Джеймса Нейсбитта — Фолкнера — Арта Бухвальда /"За рубежом"/ — Гарольда Роббинса и тысяч других переливчатых цветов в середине, — это представление можно уподобить тому, какое смышленый и развитой подросток складывает в своем мозгу о мире взрослых: вроде бы, все ясно и все верно, но в то же время — ценой крошечного сдвига в сторону от реальности — это совершенно неестественный, хотя в своей роде совершенный, мир.

Причем, что в сильной мере характерно, — что бы ни сказать, все будет верно. Все в своей эссенции — верно. Репортажи на четвертой странице ежедневника? Верно. Письмо Синявина? Верно. Восторженные выкрики, переходящие в эпилатамуса? Тоже правильно.

Важно понять, что правда в некоторых случаях больше зависит от того, кем и кому она оказывается, нежели — о чем. Не предваряя более подробных в дальнейшем будущем писем, выскажу предположение, что все, в чем обвиняют и за что хвалят эту страну, есть только определение виновавшего и хвалящего, нет ни правого ни заблуждающегося, есть только внутренняя симптоматика говорящего, потому что высказывающий заостренное суждение, так характерное для выросших в колыбелях нескольких революций /как-нибудь потом напишу об исследовании Владимира Лефевра, установленного путем перекрестного многочасового опроса, что у советских и американских людей различные представления о морали, и это сопоставление не совсем всегда в пользу первых/, судящий непредвзято и резко — кусает воздух: или бьет себя по руке,

которая уронила чашку: плохая рука, плохая! В этой стране, как и во многих других, много чего есть. Но чего здесь относительно мало, так это — ограничений. Привыкшее к давлению извне тело начинает в разреженности жутко раздуваться, доводя себя до неприятных ощущений, и подсознательно /есть подсознание и у тела/ ждет, чтоб кто-то его ограничил, с тем, чтоб можно было, конечно же, подсознательно же, обвинить этот ограничитель во всем масштабе неуспехов расширявшегося тела.

—Чего бы я ни сделал, если б на меня не давили, если бы было — можно!! —

— Гоу эхед! Покажи!

— Сложно!

Когда один литератуар из не лучших, но смелых духом, жалуется, что, когда ему давали по чайнику за безумную крылатость его дерзкой микрорепутации на всем протяжении четвертинки Невского проспекта, ему было лучше, потому что на него хоть таким образом обращали внимание, а здесь он никому не нужен и помрачен поэтому духом, — мне даже разводить руками не хочется, настолько это не так уж трудно понять. Конечно же, не нужен. Само собой, неизвестен. Знамо дело, не знают. Хотя и странно: казалось бы: пишет по-русски, накладывает смыслы на смыслы, практически не тушуется, а вот поди ж ты /и ты тоже/: не знают, не читают. И Фолкнера не знают. И Джона Барта не знают. ~~Сидни Шелдона~~ знают, и Джеймса Клавелла — тоже. А вот Роберта Крили — не знают. "Боюсь", — сказал он, когда мы сидели перед его выступлением в ~~MIT~~, в Кембридже, — "не придут". Вход был свободный, но пришло мало народу. Человек сто, были в зале места. А вот выступал с рок-песнями-не-протеста человек по имени *Meatloaf* /т.е., по псевдониму, блюдо американской кухни: мясо, запеченное с тестом в духовке/, и именно такой внешности, — на стадионе *Fenway Park*, как Вознесенский в Лужниках — колокола, елки-палки, гудошники, звон, звон, етцетера — и-таки был ужасный аншлаг. Чего же обижаться и грустить: эта страна не источник энергии и не черная дыра, а просто — рынок. Никто не давит, кроме конкурента. Спрос диктует предложение, диктующее диктующий предложение спрос, и никто зычно не окликнет: "В чем дело? Почему на вашем рынке не создана атмосфера, способствующая чтению поэзии вслух? Немедленно насадить в мясных рядах изящные искусства!" Нет: все идет своим че-

редом. Не стыдно торговаться. Не стыдно признаться в любви к деньгам. Ничто не мешает под прилавком вылепить товар и вытащить его на прилавок. В одном углу рынка поют и пляшут, можно пойти послушать, но никто тебя не осудит, если ты пойдешь слушать чью-то речь в другой угол. Ничто не более престижно, чем другое. Конятие престижа применено и применимо к сфере производства денег: престижно окончить Гарвард или Беркли, чтоб устроиться на работу юристом к Ли Аякокке, но не престижно окончить Гарвард просто так: все равно, что пойти посмотреть кино или тихонько прочитать книжку: Молодец! и что дальше? Все, что делается, делается из результата ориентации на себя, да еще на звездное небо. Нет престижного концерта или спектакля, на который трудно попасть, не нужно ждать, чтоб поддержать застольную беседу, трудно одеться так, чтоб поразить удовольствием или гневно шокировать. Делающееся делается по зову собственных интересов. Ничуть не менее почетно, чем сидеть на чтении труднопонимаемых стихов, пойти и посмотреть пугательный фильм "Муха", где люди падают от ужаса в темноте. Как все экзамены во всех учебных заведениях, вся жизнь построена по принципу "*multiple choice*" — множественность выбора.

Людям, не выросшим в атмосфере множественности выбора, трудно эти выборы делать.

Трудно примиряться с той обидой, что больше читают *Sidney Sheldon*'а, чем *Billy Faulkner*'а, и даже чем его самого.

Что делать! Люди одинаковы повсюду, и с гораздо большей охотой не утружддают, нежели утружддают себя. Вся жизнь построена на принципе большой терпимости. Люби свое, дай мне любить свое. Дайте мне мой квадратный метр, чтоб встать и любоваться пекулиарностью звездного неба. Трудно иногда жить, когда знаешь, что никто тебе на автобусной остановке не скажет: "Молодой человек! Что же это вы зимой без шапки! Уши застынут! Нечего модничать, обувайте скорее голову!" Хорошо, если твоя жизненная радость оплачивается в здешней валюте. Хуже, если нет. Надо делать, напрягаться, стараться. Америка не может ни понять, ни — не понять. Это пустые слова. Это, как правило, замутнение, маскировка невозможности ужиться с самим собой, неверие в свою способность делать свое дело, растренированность в совершении больших усилий, неспособность жить изо дня в день

ни у кого не спрашивая, что и почему, и что нельзя, и почему вдруг на немножко стало можно.

Все остальное будет видно, потом.

Что у вас? Читаю иногда газеты из Москвы, и все время — из более ближайших городов. Достигли ли уже перемены того уровня, когда они начинают сказываться на каждодневной жизни? Открылись ли частные заводы, кафе, пароходы? Как протекает жизнь?

Никто, кроме тех, кто пишет, мне не пишет.

Жаль.

Всем — большой привет и любовь. Стараюсь не американизироваться до самого конца.

Недавно во сне забыл, как будет по-русски слово лосось. Потом вспомнил: "*салмон*".

Забыл вратаря донецкого "Шахтера" Ивана Жекю. Забыл Елинскаса из "Черноморца".

Зато узнал Джо Монтану и Роджера Клеменса.

Молодец!

Всех обнимаю. Иду отклика. Откликов.

Миша.